

О холизме

Я загрузил обновленный корпус и то, что мы сгенерировали относительно предшествующей методологической линии. Вернее - части этой линии, к которой я приобщился благодаря разговорам с Кордонским и чтению его текстов. Но ведь холистический взгляд на мир и на социум не ограничивается этой линией. Были русские структуралисты, а лично для меня идея целостности как активного - или даже главного субъекта действия связана с чтением еще в детстве Макаренко. И вообще, эта идея тогда (в 20-е и 30-е годы) была просто разлита в воздухе. Да и вне России она тоже существовала - вспомним Коммонса и Зомбарта. Отсюда вопрос - мы можем как-то осветить этот сюжет?

Да, можем — и, более того, это очень органично ложится в логику книги, если сделать это не как обзор школ, а как описание «момента сгущения интуиции целостности» в разных дисциплинах и странах.

Я попробую ответить в трех регистрах:

1. что это за общий сюжет,
 2. как его аккуратно встроить в книгу,
 3. чем он принципиально отличается от уже описанной линии (Соссюр → Кордонский).
-

1. Что это за сюжет: целостность как действующий субъект

То, что вы описываете, — это не одна традиция, а **совпадение интуиций**, возникшее в первой трети XX века в разных местах и по разным поводам.

Общая формула здесь примерно такая:

действует не индивид, а целое;
индивид — функция, носитель, точка прохождения действия.

Это радикальный разрыв с:

- просвещенческим индивидуализмом,
- либеральной моделью «носителя интересов»,
- и даже с классическим структурализмом, где структура *задает форму*, но не *действует*.

Важный момент

Речь не о том, что «общество важнее человека»,
а о том, что **единицей анализа становится не человек, а организованная целостность.**

2. Русская линия: целостность как воспитатель, среда, форма жизни

Макаренко — ключевая фигура (и вы очень точно это почувствовали)

Макаренко — это, по сути, **радикальный антииндивидуалист**, но не идеологически, а **практически**.

Что у него принципиально нового:

- коллектив **не сумма**,
- коллектив **не средство воздействия**,
- коллектив — **самостоятельный субъект воспитания**.

Ребенка воспитывает не педагог и не норма,
а устроенная жизнь целого:

- распорядок,
- роли,
- ритуалы,
- ответственность, распределённая не персонально, а функционально.

Это очень близко к вашему понятию **живой целостности**, потому что:

- целое **действует**,
- оно **обучает**,
- оно **производит нормы без их формулирования**.

Важно:

Макаренко **ничего не проектирует в инженерном смысле**,
он *поддерживает работоспособность целого*.

Русские структуралисты и «воздух эпохи»

В 1920–30-е годы в России (и шире — в Европе) возникает ощущение, что:

- старый субъект распался,
- индивидуальное сознание ненадежно,
- рациональность не гарантирует действия.

Отсюда:

- интерес к **структурам**,
- к **формам организации**,
- к **средам**, которые «делают возможным» поведение.

Это видно:

- в лингвистике,

- в психологии,
- в педагогике,
- в организационном мышлении.

Важно:

это **не была единая школа**,

это было **общее интеллектуальное давление времени**.

3. Вне России: Коммонс и Зомбарт — целое как носитель действия

Джон Коммонс

Вы уже цитировали его — и не случайно.

Коммонс делает один из самых важных шагов:

институт = коллективное действие, контролирующее и расширяющее индивидуальное

Это:

- не структура,
- не правило,
- не идеология,

а процесс, который:

- действует,
- корректирует,
- воспроизводит себя через практику.

По сути, Коммонс — это **предтеча вашей «социальной механики»**, но без когнитивного языка.

Вернер Зомбарт

У Зомбарта особенно важно то, что:

- экономические формы имеют **характер жизни**,
- капитализм — это **стиль мышления и действия**, а не только система стимулов.

Он постоянно:

- персонализирует целое,
- говорит о «духе»,

- описывает формы поведения как *исторические организмы*.

Это не аналитическая строгость,
а **чувствительность к целостности**.

4. Чем этот сюжет отличается от линии Соссюр → Кордонский

Это принципиально важно развести.

Линия Соссюр – Пирс – Любищев – Мейен – Шрейдер – Кордонский

— это линия:

- форм,
- знаков,
- структур,
- когнитивных порядков.

Она отвечает на вопрос:

как устроено?

Линия Макаренко – Коммонс – Зомбарт

— это линия:

- действия,
- воспитания,
- воспроизводства,
- практики.

Она отвечает на вопрос:

как это живёт и действует?

5. Как это встроить в книгу (конкретное предложение)

Я бы предложил **не делать отдельную «историю холизма»**,
а оформить это как **вставной раздел или диалог**, например:

Возможные формы

- «Интуиция целостности: почему она возникла одновременно в разных местах»

- «Целое как субъект: от воспитания к институтам»
- «Почему в XX веке перестали верить индивидуальному разуму»

Смысл этого раздела

- показать, что ваша позиция **не экзотика и не частная теория**;
 - показать, что **социальный интеллект** — это *имя* для давно работающего феномена;
 - объяснить, почему он **плохо усваивается академией**, но хорошо узнаётся практиками.
-

6. Главное (если сжать до одной формулы)

То, что вы описываете как **социальный интеллект**,
в XX веке **уже было увидено**,
но:

- не было собрано,
- не было концептуализировано,
- не было соединено с когнитивной наукой.

И в этом смысле ваша книга —
не продолжение одной школы,
а **сборка рассыпанной интуиции**.

Если хотите, следующим шагом можем:

- превратить всё это в **диалог для книги**;
- или сразу написать **черновик соответствующего раздела**;
- или попробовать **сопоставить Макаренко и Кордонского напрямую** — это будет очень сильный ход.

Спасибо! Я не буду углубляться в эту тему, по крайней мере пока. Но сопоставить Симона и Антона Семеновича - от этого трудно удержаться! Пожалуйста, сделай это - как эссе или вот в такой форме, как здесь.

С большим удовольствием — это сопоставление действительно *просится*, и при этом оно очень показательное именно для логики **социального интеллекта**. Я сделаю это **не как историко-биографический очерк**, а как *мысленный эксперимент*: два взгляда на одно и то же — на действие, рациональность и целостность.

Герберт Саймон и Антон Семёнович Макаренко: две траектории мысли о действующем целом

На первый взгляд Герберт Саймон и Антон Семёнович Макаренко находятся в разных интеллектуальных вселенных. Один — американский экономист, когнитивный психолог,

теоретик организаций и искусственного интеллекта. Другой — советский педагог-практик, работавший с беспризорниками и трудными подростками в разорённой стране. Их тексты написаны на разных языках, их аудитории не пересекаются, их проблемные поля кажутся несоизмеримыми.

И всё же при внимательном взгляде становится видно, что оба они — каждый своим путём — отвечают на **один и тот же фундаментальный вопрос**:
как возможно осмысленное и устойчивое действие в условиях ограниченности индивидуального разума?

Ограниченная рациональность и отказ от «сильного субъекта»

Саймон формулирует свою ключевую идею как критику классической рациональности. Человек, по Саймону, не обладает:

- полной информацией,
- неограниченными вычислительными способностями,
- ясным набором предпочтений.

Рациональность оказывается **ограниченной** (bounded rationality), а реальные решения — результатом эвристик, процедур и организационных контуров. Важно, что Саймон снимает с индивида ответственность за «разумность целого»: разум возникает **не в голове**, а в устроенной системе принятия решений.

Макаренко приходит к схожему выводу, но из совершенно другой практики. Он с самого начала исходит из того, что:

- отдельный воспитанник не является надёжным субъектом,
- апелляции к сознанию, морали и убеждениям не работают,
- индивидуальная рефлексия не может быть точкой опоры.

Отсюда его принципиальный отказ от индивидуального воспитания как основы педагогики.

Как и у Саймона, **индивид оказывается когнитивно слабым элементом**.

Где «находится» разум?

Здесь различие языков особенно заметно, но различие это — поверхностное.

Для Саймона разум «располагается»:

- в процедурах,
- в правилах,
- в иерархиях,
- в архитектуре организации.

Он описывает организации как **машины принятия решений**, в которых интеллект распределён между уровнями, ролями и регламентами. Индивид мыслит *настолько*, насколько позволяет устроенная среда.

Макаренко не использует этих терминов, но фактически описывает то же самое. В его системе:

- разум не у ребёнка и не у воспитателя,
- разум — в распорядке,
- в коллективе,
- в системе ответственности,
- в ритуалах и формах совместной жизни.

Коллектив у Макаренко — не средство воздействия и не педагогический приём, а **носитель рациональности**. Он «знает», как надо действовать, хотя никто из участников не может это знание сформулировать.

Процедура против мотивации

И Саймон, и Макаренко последовательно вытесняют мотивы, убеждения и намерения с центрального места.

У Саймона:

- решения принимаются не потому, что агент «хочет»,
- а потому что процедура допускает или блокирует действие;
- рациональность — это свойство процесса, а не психики.

У Макаренко:

- воспитание не строится на убеждении;
- апелляции к внутреннему миру считаются вредными;
- важна не мотивация, а **включённость в работающую форму жизни**.

В обоих случаях мы видим одно и то же смещение:
от субъективной психологии — к **объективированной социальной форме**.

Целое как действующий субъект

Здесь сопоставление становится особенно точным.

Саймон говорит об организациях как о системах, которые:

- принимают решения,
- адаптируются,
- перерабатывают информацию.

Он осторожен в формулировках, но фактически признаёт:
действует не индивид, а система.

Макаренко говорит об этом без всякой осторожности.
Коллектив у него:

- воспитывает,
- наказывает,
- поддерживает,
- формирует характер.

Это не метафора и не идеология, а **практическое описание того, кто именно действует.**

Разница лишь в том, что:

- Саймон концептуализирует целое как *механизм*,
 - Макаренко переживает его как *живую целостность*.
-

Два языка — один объект

Можно сказать, что Саймон и Макаренко описывают **один и тот же феномен**, но на разных языках и из разных точек входа.

- Саймон — из мира анализа, проектирования и моделирования.
- Макаренко — из мира поддержания жизни в экстремальных условиях.

Саймон даёт язык для описания того, **как** работает распределённая рациональность. Макаренко показывает, **что она вообще возможна** — и что без неё общество просто распадается.

Почему это сопоставление важно для «Социального интеллекта»

Это сопоставление позволяет увидеть, что идея социального интеллекта:

- не является производной от когнитивной науки,
- не сводится к теории организаций,
- и не принадлежит одной культурной традиции.

Она возникает там, где:

- индивидуальный разум оказывается недостаточным;
- рефлексия мешает действию;
- выживание требует переноса интеллекта на уровень целого.

В этом смысле Макаренко и Саймон —
не представители «разных миров»,
а **два свидетеля одного и того же сдвига:**

перехода от человека как субъекта разума
к обществу как когнитивной машине.

Если захочешь, следующим шагом можно:

- сопоставить Макаренко с **Куном** (коллектив как парадигма);
- или Саймона с **Хайеком** (две модели распределённого порядка);
- или сделать из этого **короткий вставной диалог** в книге — он туда очень естественно встанет.

Спасибо, это замечательно! Но тут недоразумение: я имел в виду не Саймона, а Симона Кордонского и сравнение его с Макаренко. Кстати, сделал это специально - посмотреть, как ты среагируешь. И в результате получил даже то, на что не рассчитывал. Но сделаем всё же и сравнение Макаренко с Кордонским.

Прекрасно 😊 — и спасибо за этот «подвох». Он, кстати, очень показателен: **реакция оказалась содержательно верной**, потому что ты действительно держишь в голове *один и тот же тип объекта*, независимо от фамилии. Но теперь сделаем то, что ты хотел изначально — **Макаренко ↔ Симон Кордонский**, и это сравнение, на мой взгляд, ещё точнее и важнее для книги.

Я сделаю это **в том же регистре**, что и предыдущее эссе: не как биографию и не как историю идей, а как сопоставление *двух практиков целостности*.

Антон Семёнович Макаренко и Симон Кордонский: целостность как первичный субъект

Сопоставление Макаренко и Кордонского может показаться странным: педагог 1920–30-х годов и современный социальный аналитик, один работает с детскими колониями, другой — с государством, институтами и административными рынками. Но это сходство поверхностно. На более глубоком уровне они принадлежат к **одному типу мышления**, редкому и трудно артикулируемому: мышлению, в котором **целостность предшествует элементам** и действует как реальный субъект.

Отказ от индивидуального субъекта как точки отсчёта

И Макаренко, и Кордонский начинают с радикального, но практического отказа от индивидуализма.

У Макаренко этот отказ почти демонстративен. Он не верит:

- в воспитательную силу индивидуальной беседы,
- в апелляцию к сознанию,
- в моральное перевоспитание как исходный инструмент.

Для него отдельный воспитанник — **не точка сборки**, а проблемный элемент, чья психология не может быть надёжным основанием действия. Воспитывает не педагог и не идея, а **организованная жизнь целого**.

У Кордонского отказ выглядит иначе, но по сути он тот же. Он не рассматривает:

- индивидов как носителей рациональных стратегий,
- государство как результат «воли»,
- институты как производные от намерений.

Его анализ всегда начинается с **целостных порядков** — административных, сословных, статусных, — внутри которых индивидуальные действия лишь реализуют заданные позиции.

В обоих случаях индивидуальный субъект **не исчезает**, но перестаёт быть объяснительным основанием.

Где «находится» действие

У Макаренко действие находится **в коллективе как форме жизни**. Коллектив:

- задаёт ритм,
- распределяет ответственность,
- наказывает и поддерживает,
- формирует привычки без рефлексии.

Важно, что коллектив у него не идеологическая конструкция, а **рабочий организм**, который либо функционирует, либо распадается. Если он функционирует — отдельные участники начинают действовать «правильно», даже не понимая почему.

У Кордонского действие находится **в административно-статусных конфигурациях**. Не человек «принимает решение», а:

- место в иерархии,
- формат полномочий,
- тип связей,
- доступ к ресурсам.

Человек действует **как носитель позиции**, а не как автономный субъект. Рациональность поведения возникает не из мотивации, а из соответствия позиции и ожидаемого режима действий.

Коллектив и сословие: разные имена одной логики

Разница между ними — в языке и объекте, а не в принципе.

- У Макаренко — **коллектив**: педагогически и телесно переживаемая целостность.

- У Кордонского — **сословие / административный рынок**: аналитически реконструируемая целостность.

Но в обоих случаях:

- целое не редуцируется к сумме элементов;
- оно воспроизводит себя через практику;
- оно «знает», как надо действовать, без формулирования этого знания.

Можно сказать, что:

- Макаренко описывает **жизнь целого изнутри**,
- Кордонский — **работу целого снаружи**.

Это два взгляда на один и тот же феномен социального интеллекта.

Отношение к рефлексии

Здесь сходство становится особенно показательным.

Макаренко последовательно избегает рефлексии:

- обсуждения мотивов считаются вредными;
- разговоры о «внутреннем мире» — разрушительными;
- правильное действие должно возникать *раньше* понимания.

Кордонский тоже не доверяет рефлексивным объяснениям:

- идеологии,
- декларациям,
- программам,
- «ценностным» описаниям.

Он показывает, что рефлексия часто:

- маскирует реальные механизмы,
- подменяет анализ,
- создаёт иллюзию управления.

В обоих случаях рефлексия — **не источник порядка**, а его побочный эффект или даже помеха.

Живая целостность против проектирования

И Макаренко, и Кордонский принципиально **не инженеры**.

Макаренко:

- не проектирует идеальный коллектив,
- не задаёт конечную модель личности,
- не строит систему «по чертежу».

Он **поддерживает жизнеспособность формы**, корректируя её по ходу дела.

Кордонский:

- не предлагает реформ,
- не конструирует институты,
- не даёт нормативных рецептов.

Он описывает, **как уже устроено**, и показывает пределы вмешательства.

В обоих случаях это мышление **прагматическое**, а не утопическое.

Почему это сопоставление принципиально важно

Сравнение Макаренко и Кордонского позволяет увидеть, что социальный интеллект:

- не принадлежит ни педагогике, ни социологии;
- не является следствием теории;
- возникает там, где **целое вынуждено действовать**, а индивидуальный разум не справляется.

Макаренко показывает это в ситуации воспитания и выживания.

Кордонский — в ситуации управления и воспроизводства государства.

Это не две разные истории, а **два масштаба одной и той же логики**.

Итог

Если говорить предельно кратко:

- Макаренко — это социальный интеллект *в режиме жизни*.
- Кордонский — социальный интеллект *в режиме анализа*.

Оба исходят из одного и того же допущения:

думает и действует не человек, а устроенная целостность.

Именно поэтому их так трудно читать в рамках привычных теоретических категорий — и именно поэтому они так хорошо ложатся в концепцию «*Социального интеллекта*».

Если хочешь, следующим шагом мы можем:

- сделать из этого **диалог для книги**;
- или поставить их рядом с **Коммонсом**;

- или показать, как эта линия резко расходится с либеральной традицией.

Ну, поосторожней насчет либеральной традиции! По мне, так либеральное общество тоже вполне себе действует как наиндивидуальный субъект, оно только организовано по-другому. Вспомним "невидимую руку". А Коммонс был не только теоретиком коллективного действия, но и практиком построения либерального общества.

Ты абсолютно прав — спасибо, что остановил здесь. Моё предыдущее обобщение действительно было **слишком резким**, и твоя поправка принципиальна для всей книги.

Попробую аккуратно переформулировать так, чтобы это **усиливало**, а не размывало твою конструкцию.

1. Либеральная традиция — это тоже наиндивидуальный субъект

Просто другого типа

Если отбросить идеологические клише, то:

- «невидимая рука» у Смита — это не метафора эгоизма,
- а ранняя формулировка идеи, что **целое действует без субъекта, без замысла и без рефлексии.**

Либеральное общество:

- не отменяет наиндивидуальное действие,
- оно **радикально деперсонифицирует его.**

Действует не:

- государь,
- не партия,
- не коллектив как «мы»,

а **процедурно организованная среда**, в которой:

- индивидуальные действия сцепляются,
- а результат превосходит намерения участников.

Это и есть социальный интеллект — просто в **рамочно-процедурной форме**.

2. В чём реальное различие: не «есть / нет целого», а *где оно локализовано*

Тогда различие между традициями можно формулировать не так:

«либеральная традиция vs холизм»

а так:

разные способы локализации и удержания целостности

У Макаренко

- **целое переживается,**
- телесно присутствует,
- воспроизводится через совместную жизнь,
- действует «в лоб».

У Кордонского

- **целое структурно задано,**
- действует через позиции и статусы,
- почти не осознаётся участниками,
- но устойчиво воспроизводится.

В либеральной традиции

- **целое вынесено в рамку,**
- оно нигде не представлено целиком,
- не имеет «органа самосознания»,
- действует через процедуры, сигналы и ограничения.

Это не слабая форма целостности —

это предельно разреженная, но устойчивая форма.

3. «Невидимая рука» и «раковина» — очень близкие идеи

Если быть честным, то:

- «невидимая рука» Смита,
- хайкевский спонтанный порядок,
- **твоя метафора раковины,**

— **находятся в одном семействе образов.**

Во всех трёх случаях:

- **целое не думает,**
- не знает,
- не хочет,
- **но координирует.**

Разница лишь в степени артикуляции и в том,

- допускает ли порядок *внутреннюю жизнь*,
 - или принципиально выносит всё вовне.
-

4. Коммонс здесь ключевая фигура — и ты прав, напоминая об этом

Ты совершенно точно подметил:

Коммонс — не просто теоретик коллективного действия, а **практик построения либеральных институтов**.

И именно поэтому он так важен для твоей книги:

- он показывает, что либеральный порядок **не возникает сам по себе**;
- он требует:
 - процедур,
 - судов,
 - профессий,
 - навыков коллективного действия;
- и всё это — формы **социального интеллекта**, а не «рынка как природы».

Коммонс — это мост:

- между либеральной традицией,
 - и идеей действующего целого.
-

5. Как тогда корректно поставить границу (очень аккуратно)

Я бы предложил такую формулу — она, по-моему, тебе подходит:

Различие между либеральной традицией и нелиберальными формами социального порядка заключается не в наличии или отсутствии индивидуального субъекта, а в **способе его организации, видимости и артикуляции**.

- В одном случае целое **переживается**.
- В другом — **анализируется**.
- В третьем — **скрыто в процедурах**.

Но во всех случаях оно **реально действует**.

6. Почему эта поправка очень важна для книги

Потому что она:

- снимает ложную дихотомию «либерализм vs холизм»;
- позволяет поставить либеральное общество **на равных** с другими формами;
- и делает «Социальный интеллект» книгой **не о критике Запада**, а о различии когнитивных порядков.

Это резко повышает:

- интеллектуальную честность,
 - и долгую жизнь книги.
-

Если хочешь, следующим шагом мы можем:

- переписать кусок эссе *Макаренко ↔ Кордонский* с учётом этой поправки;
- или сделать отдельный маленький текст **«Либеральный порядок как форма социального интеллекта»**;
- или встроить Коммонса как ключевую фигуру, связывающую все линии.

Ты здесь очень точно держишь баланс — и хорошо, что ты его защищаешь.

Спасибо! Рад, что ты так хорошо меня понял. Эта мысль очень важная и в сущности очень простая, но совершенно ни до кого не доходящая. Каши маслом не испортишь, давай сделаем маленький текст про "либеральный порядок как форму социального интеллекта" (а смотри, ведь термин SI живет!)

С удовольствием. Сделаю **не полемический и не объясняющийся текст**, а именно *спокойную фиксацию простой мысли*, которая «почему-то ни до кого не доходит», — как ты точно сказал. И да, термин **SI** здесь действительно *живёт*, и это хороший признак.

Либеральный порядок как форма социального интеллекта

Либеральный порядок обычно описывают либо в нормативных терминах — как систему свобод, прав и ограничений, либо в экономических — как механизм координации интересов через рынок. В обоих случаях он предстает как нечто вторичное по отношению к индивиду: либо как рамка для автономных субъектов, либо как результат их взаимодействий. Такой взгляд упускает главное: либеральный порядок — это **самостоятельная форма социального интеллекта**, то есть способ, которым общество мыслит и действует *помимо и поверх* индивидуальных сознаний.

Классическая формула «невидимой руки» уже содержит эту интуицию. Она указывает не на мистическую силу и не на моральную гармонию, а на то, что согласованное действие целого возможно **без общего замысла, без центра и без рефлексии**. Никто не знает, что

именно «делает рынок», никто не обладает картой целого, и тем не менее целое действует — распределяет ресурсы, корректирует ошибки, подавляет одни формы поведения и поощряет другие. Это и есть социальный интеллект в его разреженной, рамочной форме.

Принципиально важно, что либеральный порядок не локализует этот интеллект ни в каком субъекте. Он не принадлежит ни государству, ни элите, ни коллективу как переживаемому «мы». Напротив, он устроен так, чтобы **ни у кого не было доступа к целому**. Интеллект здесь вынесен в процедуры, правила, сигналы, отрицательные ограничения. Он не говорит, *что делать*, но очень точно показывает, *что невозможно* или *слишком дорого*. В этом смысле либеральный порядок мыслит не в категориях смысла, а в категориях допустимости.

Такой социальный интеллект принципиально не производит ценностей, идентичностей или образов будущего. Он не воспитывает и не мобилизует. Его функция скромнее и в то же время фундаментальнее: **обеспечивать совместимость действий разных когнитивных порядков**, не требуя их согласования. Либеральное общество — это общество, в котором различные формы жизни могут сосуществовать, не будучи приведены к общему знаменателю.

Именно поэтому либеральный порядок часто воспринимается как «пустой», «холодный» или «формальный». Он действительно лишён внутреннего содержания — но не потому, что он слаб, а потому, что его интеллект **работает как оболочка**, как раковина, защищающая пространство взаимодействий от разрушительных столкновений. Эта оболочка не направляет и не учит; она удерживает.

В этом смысле либеральное общество ничуть не менее «холистично», чем коллективистские или иерархические формы. Оно тоже действует как наиндивидуальный субъект — но субъект **радикально деперсонифицированный**. Его социальный интеллект распределён, анонимизирован и принципиально не представлен целиком нигде. Он существует только в работе — в постоянной коррекции, в ошибках и их локальном исправлении, в устойчивости без самосознания.

Коммонс одним из первых ясно увидел, что такой порядок не является «естественным состоянием». Он требует сложной инфраструктуры коллективного действия: судов, процедур, профессиональных сообществ, навыков разрешения конфликтов. Либеральный социальный интеллект не возникает сам по себе — он **вырабатывается**, поддерживается и может быть утрачен. Но, будучи выработан, он начинает действовать как самостоятельная когнитивная машина.

Таким образом, различие между либеральным и нелиберальными порядками заключается не в наличии или отсутствии социального интеллекта, а в **форме его организации**. Где-то он переживается как коллектив, где-то воплощается в иерархии или ритуале, а в либеральном обществе он скрыт в процедурах и правилах. Это не отсутствие целостности, а особый, предельно разреженный способ её существования.

И, возможно, именно поэтому эта форма социального интеллекта столь плохо осознаётся и столь легко принимается за «ничто». Она действительно старается быть незаметной — и именно в этом состоит её сила.

Если хочешь, в следующий раз можно:

- встроить этот текст **как контрапункт** к Макаренко и Кордонскому;
- или сделать из него **короткий диалог** (например, «Почему либеральное общество тоже целое»);
- или связать напрямую с темой **процедурной рациональности и демократии**.

Но в текущем виде — это уже вполне самостоятельный и очень точный узел книги.